

Н.Н. Комарова, Д.С. Филиппова, Д.О. Хлевнюк

МЕТАФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ КАК ПРЕДМЕТ СПЕЦИАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОЛОГОВ

Предлагаемый вниманию читателей материал представляет собой главу из готовящегося к изданию сборника “Теория социальных событий как язык социологических исследований”. Его авторы — стажеры-исследователи Центра фундаментальной социологии под руководством А. Филиппова

Проблема инкорпорирования функциональных объектов в повседневные социальные практики — одна из центральных проблем микросоциологии. В перспективе социологии повседневности технический объект предстает как неотъемлемый атрибут элементарных социальных взаимодействий. Объекты укореняются в социальных практиках, инкорпорируются в рутинные повседневные действия, становясь их конститутивными компонентами. Как писал Б. Латур, многие функции люди делегируют «не-человекам», а объектам, в свою очередь, это приводит к тому, что делегированные «не-человеки» структурируют наши повседневные действия⁷⁰. В результате социальные практики повседневности конституируются, исходя из логики функционирования объектов, требования которых берутся в расчет наравне с требованиями людей.

Значительный вклад в нынешние объектцентричные концепции внес И. Гофман. Вещи, по его мнению, как и люди, вовлечены во фреймы деятельности и имеют протяженную биографию. Биография в данном случае понимается как своего рода следы, которые они оставляют до и после определенного события. Это позволяет объектам формировать вещную обстановку, помогающую ориентироваться во фрейме и зачастую являющуюся одним из важнейших элементов его построения (вспомним религиозные артефакты)⁷¹. Еще одна важная для нас фигура в контексте данного исследования — Л. Сачмен. Она предлагает

⁷⁰ Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей. Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. - М.: : Издательский дом "Территория будущего", 2006. - С. 169–198.

⁷¹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. - М.: Институт социологии РАН; ФОМ: 2004. – С. 68.

использовать для исследования отношений между людьми и машинами этнометодологический подход и конверс-анализ. В своей работе автор спорит с утверждением, что взаимодействия людей и машин происходят по плану — шаг за шагом — и что каждый шаг детерминирует действие. Согласно ее концепции ситуативного действия, планы репрезентируют действия, в то время как действия сами по себе не следуют из планов, но становятся результатом ситуаций действий⁷². В отличие от Латура, К. Кнорр-Цетина рассматривает объекты по отношению к индивиду и предполагает, что объектные отношения не столько дополняют человеческие отношения, сколько их заменяют. В анализе этих новых отношений автор опирается на работы Лакана и его идеи «по поводу субъекта как подлежащей структуры желаний». Рассматривая фондовый рынок и анализируя отношения между ним и людьми, работающими на фондовом рынке, Кнорр-Цетина приходит к выводу, что «социальность имеет место тогда, когда «субъект» в качестве структуры желания пропускает это желание через объект и возвращает его обратно»⁷³.

Социальные отношения становятся все более опосредованными техникой в силу того, что постоянное усовершенствование машин увеличивает их возможности, приводит ко все большей дифференцированности их функций, покрывающих все больше действий, которые раньше выполнялись исключительно человеком. Технологическое развитие подчинено логике функциональности — оно целесообразно, модернизация и усложнение окружающих нас объектов должно быть подчинено цели тех, кто их создает. Функциональность, о которой идет речь, можно условно назвать «линейной», так как она подразумевает, что вещь создается под удовлетворение определенной потребности. В нашей работе линейная функциональность противопоставляется метафункциональности. Этот термин ввел Жан Бодрийяр, описав его посредством предельной метафоры робота. Робот был для него неким мифическим объектом, к которому только стремились все известные ему технологические объекты. В пределе любая техника не должна создаваться под удовлетворение определенной потребности, т.е. обладать конечным набором функций. Робот отличается от обычной машины тем, что его основной функцией становится определение необходимой для выполнения в каждый конкретный момент функции. Таким образом, «миф о роботе вбирает в себя все пути бессознательного в сфере вещей»⁷⁴, а выход за пределы линейной функциональности и отмечается приставкой

⁷² Suchman L. *Human-Machine Reconfigurations. Plans and Situated Actions.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 326 p.

⁷³ Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания. Социология вещей. Сборник статей. / Под ред. В. Вахштайна. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. — 390 с.

⁷⁴ Бодрийяр Ж. Система вещей. - М.: Рудомино, 1999. — 168 с.

мета-. Уход от взаимодействия ради удовлетворения функционально обозначенной потребности приводит Бодрийяра к понятию «воображаемая суть предмета». Под метафункциональным объектом понимается вещь, суть которой формируется в воображении человека, ею пользующегося, и именно воображение определяет ту функцию, которую он может выполнять для конкретного действующего субъекта. Вывод из этого рассуждения заключается в том, что вещи могут быть метафункциональными, в пределе понимания механистического становясь своего рода «роботами», предугадывающими желания хозяина. Однако в существующей повседневности под метафункциональным понимается все то, отказываясь от логики линейной функциональности технического прогресса, все равно обнаруживает для себя место в пространстве действий, соотносимым с человеческой психикой.

Мы берем это понятие, позволяющее, по мнению Бодрийяра, «заново рассмотреть имплицитно заложенное в нашем обществе представление о рациональности целей и средств в строе производства и в самом техническом проекте», для того, чтобы определить социальное место вещей, функциональное удобство которых представляется достаточно сомнительным, что не мешает им оставаться в практическом использовании.

Приведем пример. В настоящее время на улицах больших городов все чаще можно увидеть людей, фотографирующих на старые фотоаппараты. Несмотря на то, что «Зениты» и «Смены» давно уступили свою функциональную нишу цифровым и современным пленочным зеркальным фотоаппаратам, сегодня они снова становятся популярными. Что удерживает в социальных практиках вещи, которые потеряли свою функциональность в процессе технологического прогресса? Бодрийяр ответил бы на этот вопрос, апеллируя к индивидуальному человеческому воображению и бессознательному, однако распространенность наблюдаемого факта, на наш взгляд, делает подобный ответ неудовлетворительным. Нельзя говорить о сумме индивидуальных проявлений, складывающейся в поддерживаемую социальную практику. Исходя из известного принципа о том, что любое социальное нужно объяснять социальным, мы предполагаем, что нужно искать другие ответы. Самым простым может стать обоснование через ностальгию — ностальгию по «старому», по «советскому». Однако сразу возникает противоречие: большинство снимающих на старые фотоаппараты — молодые люди, которые никогда раньше ими не пользовались. Также можно было бы сказать, что устаревшие фотоаппараты становятся в один ряд со множеством других нефункциональных вещей, вернувшихся в нашу жизнь из-за того, что старина вошла в моду. Это достаточно правдоподобный ответ, однако он лишает фотоаппарат,

как вещь, своей индивидуальности, связанной со спецификой его использования. Мода — очень широкое явление, безусловно, играющее свою роль в возникновении данного феномена, но мы полагаем, что сводить причины использования множества различных вещей лишь к внешним причинам нельзя, так как конкретные характеристики вещей во многом определяют практики обращения с ними. Старый фотоаппарат отличается от старого граммофона хотя бы тем, что он не просто «потребляется», фотоаппарат производит продукт — фотографию, которая сочетает в себе отображение «новой» реальности «старыми» средствами.

Следовательно, необходимо *объяснять причины инкорпорирования подобных объектов в социальные практики*, исходя из логики устройства самих объектов. По крайней мере, на первом этапе изучение данного свойства социальных отношений требует последовательного рассмотрения различных частных ситуаций социальных практик субъект-объектного взаимодействия, не подчиняющихся очевидной целесообразности.

Обратившись к феномену использования людьми старых пленочных фотоаппаратов, произведенных в СССР или в других странах, мы преследовали две цели:

1. Составить язык описания практик использования старых фотоаппаратов (в создании некоторой понятийной базы для будущих исследований, если таковые будут проводиться).

2. Выявить смыслы, которые действующие субъекты вкладывают в такие практики.

Среди *задач* нашего исследования⁷⁵: изучить практики взаимодействия со старыми фотоаппаратами; выявить смыслы данных практик; определить отношение пользователей к старым фотоаппаратам; и установить причины обращения к подобной практике.

В основе исследования лежал ряд *положений*, которые необходимо эксплицировать перед анализом полученных данных.

1. Специфические действия и практики имеют для людей, снимающих на устаревшие фотоаппараты, определенные смыслы, связанные, в том числе, и с причинами использования.

2. Устаревшие фотоаппараты используются в определенных ситуациях, отличных от ситуаций использования современных фотоаппаратов.

3. Специфичность устройства фотоаппарата влияет на практики его использования.

⁷⁵ Исследование проводилось авторами в рамках практикума на факультете социологии ГУ-ВШЭ в 2007–2008 учебном году под руководством В.С. Вахштайна.

4. В практиках использования устаревших фотоаппаратов можно обнаружить различия, указывающие на определенную логику поведения и обращения со старым фотоаппаратом, в зависимости от отношения к нему.

5. Практики использования устаревших фотоаппаратов зависят от отношения респондента к подобному использованию в целом.

6. Ситуация использования устаревшего фотоаппарата детерминирована смыслами, вкладываемыми в практику.

7. Общие характеристики респондента могут влиять на смыслы, вкладываемые в практики.

Методология нашего исследования была выработана с учетом поставленных в нем специфических задач. Мы применили два метода сбора информации: наблюдение и глубинное интервью. Сначала проводилась серия наблюдений, после чего с теми же респондентами проводились глубинные интервью, в которых обсуждались наблюдения, фотографии, сделанные во время наблюдения, а также ряд общих, контекстных тем.

Поскольку построить основу *выборки* из-за специфичности объекта было невозможно, единственным адекватным данному исследованию методом отбора респондентов был сочтен «метод доступных случаев», когда отбор происходит в тех местах, где гипотетически можно ожидать наибольшего «скопления» респондентов. В нашем случае ими стали фотолаборатории «Фотопроект», различные фотомастерские, а также специализированные сообщества в ЖЖ. Во всех этих местах были размещены объявления с приглашением принять участие в исследовании. В результате было проведено 15 наблюдений и 15 интервью.

Стоит сказать несколько слов о том, как проводился *первичный анализ данных*. Организация нашего исследования имела несколько принципиальных моментов. Прежде всего практики использования старого фотоаппарата были поделены на *фокусные* и *фоновые*. Первые относились ко всем действиям, в которых фотоаппарат играл активную роль (выставление настроек, выбор кадра, съемка и т.д.); вторые же составляли практики, в которых фотоаппарат не играл такой роли (покупка дополнительных приспособлений для съемки, съемка на цифровой фотоаппарат и др.). Фокусные практики выявлялись в ходе наблюдения и обсуждались с респондентами на интервью. Это важно, так как на основе фокусных практик и их объяснений нами был выделен ряд принципов аргументации, анализ которых в совокупности с фоновыми практиками позволил выделить типы взаимодействия фотографа с фотоаппаратом. Эти *типы*, в свою очередь, стали основой для установления

причин обращения к практике использования старых фотоаппаратов (и, соответственно, типов пользователей).

Первый выделенный нами тип получил название «фотохудожники» в силу значительной ориентации, составляющих его респондентов на результат, т.е. на конкретную фотографию. Этим пользователям присущи следующие качества:

1. Продуманное отношение к съемке (придумывание идей съемки, подготовка реквизита/моделей, выбор места/времени и т.д.)
2. Ориентация на то, чтобы фотография вызвала определенные эмоции, отражала некоторую идею/замысел автора.
3. Невнимание к техническим возможностям фотоаппарата и различным сопряженным со съемкой процессам (проявка/печать).
4. Отсутствие ориентации на какие-либо правила выстраивания кадра — все это делается скорее ситуативно и зависит от произвола автора.

Взаимодействия фотографа данного типа и фотоаппарата может быть описано как взаимодействие актора и инструмента. Среди причин использования именно старых механических пленочных фотоаппаратов для реализации своего увлечения респонденты выделяют два аспекта. Во-первых, они видят в пленочных фотографиях особую художественную ценность и не всегда готовы или не могут купить современные пленочные фотоаппараты. Во-вторых, благодаря старому фотоаппарату можно добиться дополнительной художественной выразительности, ощутить эмоции, которые нельзя вызвать с помощью современных фотоаппаратов. Таким образом, *этот тип респондентов использует старые пленочные фотоаппараты ради получения специфического результата, отражающего эмоции, мысли и/или атмосферу.*

Следующий выделенный нами тип — «фототехники». Они в большей степени ориентированы на процесс фотографирования, интересуются самим устройством фотоаппарата, постоянно открывают для себя его новые технические возможности, а также постигают такие смежные с фотографированием технические процессы, как самостоятельная проявка и печать. «Фототехникам» фотография важна как некий видимый результат своих действий, она — тот объект, который позволяет им рефлексивно оценивать степень своих умений и навыков в обращении с фотоаппаратом. Мы пришли к выводу, что причиной обращения «фототехников» к старым фотоаппаратам является *желание реализовать себя и утвердить в качестве «продвинутого» пользователя.* Кстати, все представители этого типа

имеют несколько фотоаппаратов (в том числе и цифровой, причем зачастую зеркальный). Кроме того, они купили себе фотоаппарат специально. Эти два фактора говорят в пользу того, что пользователями данного типа принимается сознательное решение в отношении усложнения процесса фотографирования: они выбирают механическую сложность, как будто проверяют свои силы. Фотоаппарат для таких пользователей является механизмом, позволяющим им буквально «расти» в технических вопросах процесса фотографирования.

Последний из выделенных нами типов условно назван «фотоиспытателями». Для них важен не конкретный результат фотографирования, а сам процесс, но не с технической точки зрения, как у «фототехников», а с точки зрения того, что старые механические фотоаппараты полностью от них не зависят и приводят к непредсказуемому результату. Пользователи данного типа обладают минимальным объемом знаний о необходимых настройках, поэтому для них определяющим является скорее «ответ» фотоаппарата, чем их сознательные действия. Интересно также стремление сблизить оптические возможности человека и фотоаппарата не только в момент съемки, но и в момент поиска кадра. Присутствует и дух экспериментатора, который выражается в том, чтобы придумать такой способ съемки, благодаря которому можно получить еще более неожиданный «ответ» от фотоаппарата.

Таким образом, в данном случае пользователей привлекает спрятанная внутри старых пленочных фотоаппаратов тайна, *которую они не хотят разгадывать, но с которой хотят взаимодействовать*. Для них старый фотоаппарат — это «черный ящик», с которым они могут общаться, не зная, как он им «ответит» в каждый конкретный момент.

Два респондента по своим характеристикам не попали ни в один из типов. Здесь можно говорить лишь об индивидуальных причинах обращения к старым фотоаппаратам, в частности, об отсутствии средств на приобретение более качественной цифровой зеркальной камеры, ностальгии по технической составляющей процесса фотографирования, а также о ярко выраженном интересе коллекционера.

Проведенное нами исследование позволяет сделать ряд любопытных, на наш взгляд, выводов.

1. Выделенные типы пользователей различаются в своей ориентации на *процесс* («фотоиспытатели»), *результат* («фотохудожники») и *механизм* («фототехники»), что отражает все возможные стороны обращения с фотоаппаратом.

2. Для разных типов характерно разное отношение к фотоаппарату. Так, «фотохудожники» используют его лишь как функцию, позволяющую создать то, что требуется;

«фототехники» относятся к нему как механизму, который необходимо понять и превзойти, подчинив собственным желаниям; а «фотоиспытатели» — как к полноценному участнику процесса фотографирования.

3. Представители каждого из трех выявленных типов по-разному используют «старость» фотоаппарата. «Фотохудожники» видят в нем возможность выразить его аутентичность, ценят эффекты пленки; «фототехников» привлекает его механизм, особенное устройство; «фотоиспытатели» любят старые фотоаппараты за их непредсказуемость.

4. Существуют некоторые различия в причинах обращения к старым пленочным фотокамерам в зависимости от марки фотоаппарата. Так, у тех, кто снимает на фотоаппараты иностранного производства (например, Pentax или Nikon), наблюдается склонность к техническому интересу и реализации своих способностей к фотографированию. Скорее всего, специально покупая фотоаппарат иностранного производства, пользователь руководствуется своими знаниями о его технических преимуществах.

5. Выборка данного исследования довольно однородна по возрасту (от 17 до 25 лет), за исключением одного респондента в возрасте 37 лет. Последний не попал ни в один из типов и являет собой коллекционера, для которого это и технический интерес, и ностальгия по включению в процесс, а в целом просто «баловство» и увлечение.

6. Можно с уверенностью утверждать, что *финансовые причины* обращения к старым фотоаппаратам либо отсутствуют, либо второстепенны. Так, «фототехники» тратят на свое увлечение намного больше денег, чем могли бы потратить на дорогие современные фотоаппараты. «Фотоиспытатели» в принципе не заинтересованы в современной фототехнике, их волнует неизвестность в старых фотоаппаратах. О финансовых причинах говорили лишь «фотохудожники», однако даже если они могли бы позволить себе приобрести современную технику, ценность старого механического фотоаппарата для них не потерялась бы.

* * *

Ранее метафункциональные объекты не становились предметом специального изучения социологов. Между тем, как представляется, нам удалось показать их особое место в смысловом поле людей. Метод исследования метафункциональных объектов позволяет ответить на вопрос о причинах их присутствия и о той роли, которую они играют в повседневной жизни человека. Эти причины каждый раз уникальны, поэтому

соответствующие исследования необходимо продолжить, чтобы в перспективе разработать для них какую-то общую теоретическую основу.